

Следующее утро Жэнь Ши посвятил заботам о завтраке.

Накануне он обмолвился, будто на горе нет еды, подходящей для простых смертных, но на деле приготовить завтрак оказалось не так уж и сложно. Весна окончательно вступила в свои права, и склоны зазеленели ростками диких трав. Жэнь Ши вышел к порогу пещеры, присмотрелся к согретому солнцем склону и сорвал добрую охапку сочной зелени. В ручье, протекавшем неподалеку от обители, плескалась рыба; стоило мастеру Жэню лишь поманить её пальцем, как серебристые тушки сами выпрыгивали из воды прямо к его ногам.

Единственной помехой было отсутствие риса — в пещере его отродясь не держали. Впрочем, монастырь Сюаньду располагался совсем близко, и попросить там горсть зерен не считалось зазорным. Почти все монахи, от мала до велика, знали Жэнь Ши в лицо. Привратник, едва заслышав о просьбе, даже не пошёл спрашивать дозволения у настоятеля: он велел послушнику отсыпать гостю целый мешочек риса, а в придачу сунул горсть сушёных грибов и древесных ушей.

В те времена, когда Гу Сюньчжи только попал на гору, он ещё не умел обходиться без земной пищи, и Жэнь Ши вместе с Учителем готовили для него по очереди. Посуда с тех пор почти вся затерялась, но, по счастью, сохранился старый глиняный горшок. Отмыв его, Жэнь Ши водрузил сосуд на печь, в которой обычно плавил пилюли, засыпал рис, добавил мелко нарубленные травы и принялся варить кашу. Потрошёную рыбу он присыпал солью и разложил на решётке жаровни.

Белобрюшки из горного ручья едва достигали трех цуней в длину, но были удивительно жирными: на огне они весело зашипели, источая густой, аппетитный аромат. Жэнь Ши, вооружившись палочками, осторожно переворачивал рыбу, сосредоточенно следя за пламенем.

«Я делаю это вовсе не из заботы, — твердил он себе под нос, — просто не хочу, чтобы он помер у меня на руках».

О том, можно ли считать страх перед смертью близкого человека отсутствием заботы, Жэнь Ши не задумывался — подобные сложности его никогда не занимали.

Когда шкурка на рыбе подернулась золотистой корочкой, он снял её с огня и посыпал зёрнами кунжута. К тому моменту, как всё было готово, в алхимическую комнату вошёл Гу Сюньчжи.

Обычно он вставал с первыми лучами солнца, но вчерашний день вымотал его окончательно, и он проспал до самого полудня. Проснувшись и почуяв запах еды, он не сразу сообразил, откуда в обители бессмертного взялись такие ароматы.

«Шисюн сам приготовил завтрак?»

На душе стало удивительно тепло, будто время повернуло вспять и он снова оказался в детстве. На самом деле Жэнь Ши готовил редко и довольно неумело, но Гу Сюньчжи всегда ел его

стряпню с великим удовольствием. Медленно поднявшись с постели, он почувствовал, что силы вернулись к нему — вчерашние снадобья и впрямь творили чудеса.

Переодевшись, он пошёл на запах и увидел, как Шисюн разливает кашу из горшка по чашкам.

— Ешь, — коротко бросил Жэнь Ши, ставя перед ним миску. — Тебе ещё долго восстанавливаться, прежде чем ты снова сможешь отказаться от пищи. Я не собираюсь вечно тебя кормить, так что впредь будешь справляться сам. Сейчас весна, прокормиться в лесу не составит труда.

Судя по тону Жэнь Ши, он был уверен, что Гу Сюньчжи останется здесь насовсем.

Сердце младшего брата сжалось. Он не решился ответить сразу: принял чашу и отхлебнул немного каши. Рис разварился в нежную массу, дикие травы чуть горчили, но эта горчинка лишь подчеркивала свежий вкус весны. Давным-давно, когда Сюньчжи был ещё ребёнком, Жэнь Ши часто кормил его такой похлебкой. Он не пробовал её десятки лет.

Запечённая рыба тоже оказалась отменной. Мясо речных белобрюшек с горы Лазурного неба славилось своей нежностью, и вкус этот не сравним был ни с чем в поднебесном мире. Для Гу Сюньчжи в этом вкусе таилась сама горечь ностальгии.

Он неспешно съел три рыбины и прикончил полторы порции каши. Голод отступил, а вместе с ним, казалось, прибавилось и решимости. Сложив палочки, Сюньчжи поднял взгляд на брата:

— Шисюн, по правде говоря, я не планировал задерживаться. Через несколько дней мне нужно уйти.

Жэнь Ши замер, лицо его мгновенно изменилось.

— Уйти? — в его голосе прорезались опасные нотки. — И куда же ты соберёшься?

Гу Сюньчжи невольно сглотнул. Атмосфера в комнате разом стала наэлектризованной.

— Вчера не представилось случая сказать... Последние несколько лет я служил советником в поместье князя Цзиня.

— Советником?

Голос Жэнь Ши звучал пугающе спокойно, но Гу Сюньчжи чувствовал, как от него исходит волна холодной ярости. По лбу младшего брата скатилась капля пота, но он заставил себя продолжить:

— Да, советником. Живу в поместье, помогаю князю решать разные дела, даю советы... Собственно, я и вернулся-то по его поручению...

Жэнь Ши становился всё холоднее. Гу Сюньчжи запнулся, и он благоразумно замолк, с трепетом ожидая неминуемой бури.

Однако мастер Жэнь не стал кричать. Он лишь горько усмехнулся:

— Вчера, когда ты приполз сюда, я думал, что ты всё ещё принадлежишь к нашему пути. А ты, оказывается, стал комнатной собачонкой в чужом доме. Учитель зря тратил на тебя время.

Гу Сюньчжи вспыхнул. Он и сам понимал: людям их круга не пристало водить дружбу с сильными мира сего. Но в те годы, когда он, брошенный всеми, умирал в канаве, именно князь спас ему жизнь. Если бы не он, кости Сюньчжи давно бы истлели.

Брат годами не покидал горы, что он вообще знал о жизни? Столько лет его не было рядом, и, когда он вернулся, Жэнь Ши даже не спросил, где он скитался и что пережил. Очевидно, ему было плевать. А теперь он гневается из-за службы в поместье? Это было несправедливо.

Обида захлестнула Гу Сюньчжи, и он огрызнулся:

— А я и не знал, что Шисюн до сих пор считает меня совершенствующимся. Сам-то я давно понял, что я — лишь калека. Князь ценит меня, относится с почтением, и я лишь плачу ему за доброту.

Он посмотрел Жэнь Ши прямо в глаза и отчеканил:

— Что до чести и достоинства мастера Дао, то мне до них нет дела. Так стоит ли Шисюну так из-за этого терзаться?

Жэнь Ши на мгновение лишился дара речи. Мальчишка-то вырос.

Он помнил, как в детстве Сюньчжи после любой провинности лишь покорно склонял голову и молча ждал нагоняя. Теперь же он сыпал доводами один краше другого, так что и ответить было нечего.

Будь на месте Жэнь Ши кто-то более красноречивый, он бы нашёл, как уязвить наглеца словом. Но мастер Жэнь всегда был туг на язык. Он тысячелетиями избегал людей, и лишь с трудом освоил их речь, приняв человеческий облик. Пока Сюньчжи жил на горе, он ещё худо-бедно практиковался в разговорах, но после его ухода замолчал на долгие годы.

Впрочем, если слов не хватало, у Жэнь Ши был другой, куда более действенный метод.

Он просто всыпал Гу Сюньчжи как следует.

С такими упрямыми, чьи головы забиты кривой логикой, это всегда работало лучше всего. По крайней мере, это был урок, который нельзя проигнорировать.

Гу Сюньчжи не мог оказать ни малейшего сопротивления. Не прошло и минуты, как старший брат прижал его к полу и принялся охаживать пониже спины.

Слышанное ли дело — чтобы мужчине на десятом десятке лет всыпали вот так, как нашкодившему пацану? Другой бы на его месте сгорел со стыда или вовсе расстался с жизнью от такого унижения — девяностолетнее тело могло и не выдержать подобной экзекуции. Однако Гу Сюньчжи лишь медленно поднялся, отряхнул пыль с колен и поднял взгляд на брата:

— Шисюн сменил гнев на милость? Если более ко мне нет вопросов, я пойду. Прилягу. А то что-то больно очень.

Держался он до того невозмутимо, что Жэнь Ши почувствовал себя неловко — будто это он здесь вёл себя как капризный ребёнок. Он ничего не ответил, лишь нахмурился. Гу Сюньчжи почтительно поклонился и, не оборачиваясь, вышел.

Но едва он переступил порог алхимической комнаты, маска спокойствия слетела.

Лицо его исказилось от боли, он зашипел, едва сдерживая стон.

Пусть он и выглядел моложе своих лет, тело девяностолетнего старика не обманешь. Духовная энергия покинула его, меридианы опустели, и даже самой жалкой защитной истинной ци в нём не осталось. Жэнь Ши не умел соизмерять силы; ещё немного, и он бы переломал брату кости. Хорошо ещё, старые кости оказались крепкими и он не опозорился перед Шисюном.

Прихрамывая, Сюньчжи добрался до библиотеки и рухнул на узкую кушетку ничком. Укрываться одеялом он не посмел — любая ткань причиняла невыносимую муку. Так он и лежал, тяжело дыша.

«Вчера напичкали пилюлями, едва дышать начал, а сегодня — новые раны... Добрый ли знак моё возвращение или дурной?»

Нрав у Шисюна был непредсказуемый — как теперь заикнуться о поручении князя?

Гу Сюньчжи тяжело вздохнул.

Он сам вызвался исполнить это задание. Если он провалится, как он вернётся в поместье?

И хотя он специально пришёл к Шисюну, оставаться здесь насовсем он не собирался. Быть дряхлой развалиной рядом с вечно юным и прекрасным Шисюном — это пытка, которую он вряд ли вынесет. Но если уйти отсюда... кроме княжеского дома, ему больше некуда было податься.

Сюньчжи долго ворочался в своих мыслях, вздыхая, но выхода так и не видел. В какой-то момент в голову закралась малодушная мысль:

«Чем так терзаться, лучше бы и впрямь поскорее помереть».

Не успел он развить эту идею, как услышал шаги Жэнь Ши.

Сердце Гу Сюньчжи забилося чаще. Он помнил, что Шисюн обладал великой силой, и кто знает — вдруг он владел искусством чтения мыслей? Если он прознает о таких настроениях, новой порки не избежать.

С трудом подавив волнение, он отвернулся к стене и закрыл глаза, притворившись, что спит.

Он почувствовал, как Жэнь Ши присел на край кушетки. Раздался негромкий щелчок — брат открыл какой-то пузырёк. В воздухе разлился резкий аромат: Гу Сюньчжи узнал его — это был порошок для удаления застоев крови.

Видно, Шисюн и сам понял, что переборщил, и пришёл лечить раны.

В детстве Сюньчжи был тем ещё сорванцом, и Учитель с Шисюном частенько учили его уму-разуму. И всякий раз после порки Жэнь Ши, мучимый раскаянием, приносил самое лучшее снадобье. Порошок, смешанный с вином, приятно охлаждал кожу, и пальцы брата тоже были прохладными.

«Значит, больше не сердится?»

Гу Сюньчжи расслабился и прикрыл глаза, издав долгий, приглушённый вздох облегчения.

<http://bllate.org/book/17555/1708575>